

**Формулярные списки руководителей ведомств
и членов Государственного совета:
проблема достоверности источника***

Денис Шилов

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия

**The Service Records of Heads of Departments
and Members of the State Council:
The Problem of Source Reliability**

Denis Shilov

National Library of Russia,
St Petersburg, Russia

This study focuses on service records, a mass source of government records management in the Russian Empire between the eighteenth and early twentieth centuries. The service record was a document containing basic biographical information about the official (surname, first name, patronymic, age, social origin, religion, education. Also, the document reflected whether the official had real estate, their marital status, children, stages of service, awards, penalties, etc.). For government agencies, service records were the main source of information and a means of controlling officials, and for officials themselves – certificates attesting to their abilities, experience, and impeccable reputation. The analysis of historiography on the issue demonstrates, on the one hand, that service records are a source that is in high demand by researchers. At the same time, the uncritical approach to these documents still prevails in historical studies. The valuable information they contain is used without comparison with data from other sources, without identifying and analysing materials that clarify the bureaucratic process of creating service records. As a result, experts do not

* *Citation:* Shilov, D. (2022). The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Цитирование: Shilov D. The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718 / Шилов Д. Формулярные списки руководителей ведомств и членов Государственного совета: проблема достоверности источника // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

have satisfactorily reasoned ideas about the completeness and reliability of this type of source. The article attempts to answer these questions by referring to personal service documentation of heads of departments (ministers and chief executives) and members of the State Council (about 600 persons in total). The author considers the legislation on service records and points out problems that arose in providing reliable information for them. The information of various sections of the service records is compared with data from other sources – metric books, personal decrees, supreme orders on the civil department, personal files of officials, and published lists of officials. The author concludes that the information from different sections of the service records is not equally reliable, and that the completeness and accuracy of the source in the state records management of the Russian Empire varied depending on the order of data collection and control over the process by the government.

Keywords: Russian Empire in the 18th – 20th centuries, State Council, service records, officialdom, ministers

Объектом исследования являются формулярные списки – массовый источник изучения государственного делопроизводства в Российской империи XVIII – начала XX в. Формулярный список был документом, содержащим основные биографические сведения о чиновнике (фамилия, имя, отчество, возраст, социальное происхождение, вероисповедание, полученное образование, наличие недвижимой собственности, семейное положение, дети, этапы прохождения службы, награды, взыскания и т. д.). Для правительственных органов формулярные списки были главным источником информации и одновременно средством контроля за чиновниками, для самих чиновников – аттестатами, свидетельствующими об их способностях, опыте и безупречной репутации. Проведенный анализ историографии по проблеме показывает, что формулярные списки являются источником, чрезвычайно востребованным исследователями. В то же время в исторической науке до сих пор преобладает не критический подход к этим документам. Содержащаяся в них ценная информация используется без сопоставления с данными других источников, без выявления и анализа материалов, проясняющих делопроизводственный процесс создания формулярных списков. Как следствие, у специалистов нет удовлетворительно аргументированных представлений о полноте и достоверности данного вида источников. В статье сделана попытка ответить на эти вопросы на примере персональной служебной документации руководителей ведомств (министров и главноуправляющих) и членов Государственного совета (всего около 600 человек). Рассматривается законодательство о формулярных списках, отмечаются проблемы, возникавшие в процессе заполнения этих документов достоверными сведениями. Информация заполнения разделов формулярных списков анализируется в сопоставлении с данными других источников – метрических книг, именных указов и высочайших повелений по гражданскому ведомству, личных дел чиновников, опубликованных списков служащих. Делается вывод о неодинаковой достоверности информации из разных разделов формулярных

списков, а также об изменении полноты и точности сведений источников на протяжении периода их бытования в государственном делопроизводстве Российской империи в зависимости от порядка сбора данных и контроля над этим процессом со стороны правительства.

Ключевые слова: Российская империя в XVIII – начале XX в., Государственный совет, формулярные списки, чиновничество, министры

Формулярные списки (формуляры) военных и гражданских чиновников Российской империи – источник для историографии далеко не новый. На протяжении последних 50 лет регулярно появляются исследования, авторы которых используют сведения формуляров для воссоздания коллективного портрета той или иной категории служащих дореволюционной России (библиографию см.: [Иванов, 2012, с. 31, 38; Кандаурова, s. 95–96]). В то же время формулярные списки остаются источником, почти не затронутым научной критикой [Малкова, Плехина; Елпатьевский; Иванов, 2012; Дубенцов, Куликов]. Активно заимствуя из формуляров биографическую информацию, исследователи почти не уделяют внимания проблеме ее достоверности, связанной с вопросами происхождения и эволюции документа, изменениями в организации процесса ведения персонального делопроизводства в Российской империи и др. Ниже я попытаюсь представить опыт такого критического подхода, используя личную документацию руководителей ведомств и членов Государственного совета.

По определениям В. И. Даля, послужной (формулярный) список – это «вся служебная жизнь чиновника, внесенная установленным порядком в графы», документ, «в котором пишется все, что относится до личности служащего» [Даль, т. 3, стб. 874, т. 4, стб. 1150]. Для российского законодательства термины «послужной» и «формулярный» были синонимами. Именно так они обозначены в алфавитных указателях к первому и второму собраниям «Полного собрания законов Российской империи». Использовался (реже) также термин «кондуктивный список». На практике в XIX в. списки военнослужащих чаще назывались послужными, а гражданских чиновников – формулярными (но бывало и наоборот). Кроме того, в делопроизводстве бытовало сокращенное название документа – формуляр.

Известны коллективные и индивидуальные формулярные (послужные) списки. Коллективные являются более ранней формой документа и по содержанию восходят к учетным документам XVII и первой половины XVIII в. (смотровым спискам, офицерским «сказкам»). Индивидуальные формуляры получают распространение уже в XIX в.

Важной вехой в формировании системы учета гражданских служащих стали мероприятия правительства середины 1760-х гг. С 1765 г. Академией наук в Петербурге стал выпускаться «Адрес-календарь российский на лето... от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при

начале сего года в каком звании или в какой должности состоит» – общеимперский справочник о чиновничестве. В 1766 г. Герольдмейстерской конторой Сената был отпечатан первый «Список находящимся у статских дел». С 1773 г. в него вносились чины первых восьми, с 1798 г. – семи, а в 1818–1841 гг. – первых шести классов. Долгое время «Список» Герольдии был ведомственным документом и печатался в ограниченном числе экземпляров только для служебного использования. С 1842 г. списки чинов (сначала общие, затем и по отдельным ведомствам) стали тиражными изданиями [Шилов, 2011].

Одновременно была сделана попытка наладить регулярный сбор сведений обо всех гражданских чиновниках. 31 января 1764 г. вышел сенатский указ, которым предписывалось

... всем присутственным местам, каждому о состоящих в ведомстве своем чинах немедленно прислать и впредь присылать в Правительствующий сенат чрез каждые полгода списки, описывая в оных именно, кто какими чинами происходил и добропорядочно ли поступал, также не были ли в каких штрафах, во всем по примеру тому, как о воинских такие списки делаются.

К указу прилагалась форма, «как те списки писать» [ПСЗ-1, т. 16, № 12030]. Составители алфавитного указателя к «Полному собранию законов» сочли указ 1764 г. первым законодательным актом о формулярных списках, хотя в нем содержатся указания на уже существующие послужные списки у военнослужащих и словесное повеление императрицы от 17 февраля 1763 г. «всем, кои следуют к отставке и к награждению при оной чинами, иметь каждому от надлежащих мест о верной и беспорочной службе аттестаты» [Там же].

Поэтому указ 1764 г. следует рассматривать скорее как первую попытку наладить регулярный сбор сведений о гражданских чиновниках. В 1771, 1782, 1788 и 1798 гг. Сенат напоминал всем присутственным местам о необходимости присылки, уже только раз в год, послужных списков всех чиновников. Требуя их, правительство надеялось разрешить ряд задач: упорядочить чиновничество, выяснить реальное состояние местных кадров. Дело шло трудно. Так, на указ 1798 г., требовавший от всех присутственных мест ежегодной присылки послужных списков всех классов чиновников к 1 октября [Там же, т. 25, № 18440], групповые формуляры поступили лишь по 56 учреждениям. В 1800 г. вновь последовало напоминание [Там же, т. 26, № 19488], но, судя по количеству сохранившихся ежегодных коллективных формуляров¹, присылка постепенно наладилась лишь во второй половине 1810-х гг.

Обзор законодательства о формулярных списках показывает, что их структура со временем усложнялась, а объем содержащейся в них

¹ См. в фонде коллекции формулярных списков: [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4].

информации возрастал. Окончательное оформление документа произошло к середине XIX в., когда он стал включать сведения о чине, имени, отчестве, фамилии служащего, его должности, возрасте или дате рождения, вероисповедании, получаемом жаловании, происхождении, имущественном и семейном положении, образовании, времени поступления на службу, хронологии ее прохождения, наградах, участии в походах и сражениях, взысканиях по службе, времени нахождения в отпусках и в отставке [Малкова, Плюхина, с. 218–219].

После упразднения Инспекторского департамента гражданского ведомства, функционировавшего в 1846–1858 гг. при I Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии, ежегодный сбор коллективных послужных списков из всех учреждений империи прекратился. Коллективные формуляры составляться перестали. С 1858 г. учет чиновников, ведение их формулярных списков и личных дел были возложены на соответствующие структурные подразделения ведомств, в которых они служили. Индивидуальный формулярный список заводился на чиновника сразу же после поступления на государственную службу и в дальнейшем дополнялся через установленный срок или при перемене должности.

Для правительства послужные списки были основным источником информации о служащих. Показательно, однако, что, требуя вдруг и срочно персональные сведения по десятку позиций, власти долгое время не давали никаких указаний о том, где же ответственные за сбор данных учреждения и лица должны их почерпнуть. За умолчанием скрывалось признание очевидного факта: в XVIII и в первой половине XIX в. формулярные списки нередко заполнялись со слов самих чиновников. Об этом свидетельствуют содержательные особенности многих формуляров того времени. Так, например, текст послужного списка адмирала А. В. Моллера написан от первого лица [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 336. Л. 62–78], формулярный список в деле о службе А. П. Ермолова – собственноручно [Там же. Д. 859. Л. 12–15]. Формуляры других военачальников (Н. Н. Муравьева-Карского, Ф. В. Ридигера, А. А. Суворова) в разделе о походах и сражениях напоминают мемуарные хроники с элементами самооценки [Там же. Д. 343. Л. 35–70; Д. 454. Л. 15–105; Д. 519. Л. 161–202]. В послужном списке И. В. Гудовича за 1818 г. присутствует прямая апелляция к начальству:

За всю службу мою 1774 года не получил я никакого награждения, оставаясь по армии вторым генерал-майором, когда первой не был на войне, а находился в Сибири при команде [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 14–43].

Со второй половины 1820-х гг. правительство начинает упорную борьбу с чиновниками за достоверность их формулярных списков [Елпатьевский, с. 203–204]. Проблемы, возникавшие на этом пути у центральной власти, характеризует сенатский указ 30 марта 1828 г.

В нем значилось:

В некоторых местах при определении в гражданскую службу людей различных состояний, не имеющих дворянского права, из коих некоторые... *показали себя не из того звания, из которого имеют происхождение*, а другие, находясь уже в службе и приобретая оную чины, дающие право дворянства, начали показывать себя в послужных списках не из того звания, из какого они действительно происходят, а просто из дворян (выделено мной. – Д. Ш.).

Что же предписывал в связи с этим законодатель? Подтверждение дворянского достоинства, как известно, находилось в компетенции особого учреждения при самом Сенате – Герольдии (с 1848 г. – Департамента герольдии). Однако в указе не предлагалось требовать от чиновников свидетельств Герольдии о дворянском происхождении, а было предписано

...всем гг. министрам, военным генерал-губернаторам, генерал-губернаторам и военным губернаторам, управляющим гражданской частью, а также губернским правлениям и присутственным местам... иметь строгое наблюдение, чтобы согласно форме, для послужных списков изданной, было наблюдаемо, чтобы во 2-й оных графе всегда означалось с точностию то звание, из коего каждый имеет свое происхождение [ПСЗ-2, т. 3, № 1904].

Почему же Сенат (во всяком случае в отношении дворянства) снимал с себя принадлежавшую ему по закону ответственность? Как представляется, причина в том, что большинство российских дворянских родов к этому времени еще не прошли процедуру юридического подтверждения своих сословных прав Сенатом (этот процесс стал активно развиваться позднее, с 1840-х гг.), последний не имел в своем распоряжении сведений о дворянском происхождении чиновников и потому был вынужден доверяться информации, имевшейся у местных властей.

Сказанное выше неизбежно выводит на проблему достоверности формулярных (послужных списков). В новейшей отечественной историографии ее углубленно изучает В. А. Иванов [Иванов, 1994; Иванов, 2012 и др.]. Он выделяет две основные точки зрения исследователей по указанной проблеме. Первая восходит к труду П. А. Зайончковского, который утверждал: «Формулярные списки являются одним из наиболее достоверных источников. Какое-либо сознательное их искажение исключено» [Зайончковский, с. 10]. Более скептически оценивал формуляры А. В. Елпатьевский, полагавший, что «оценка достоверности содержащейся в них фактической информации требует серьезного критического подхода» [Елпатьевский, с. 202–203]. С ним солидарен И. В. Савицкий, отмечающий наличие в формулярных списках «неточностей и прямых фальсификаций» [Савицкий, с. 18]. Существует и промежуточное мнение, сформулированное Д. Г. Целорунго:

«Достоверность данных, заносимых в... формулярные списки, вполне удовлетворительна, хотя по отдельным показателям неравноценна. В формулярные списки... подробно заносились такие сведения, которые почерпнуть историю больше неоткуда» [Целорунго, с. 57].

Главная трудность в обсуждении проблемы достоверности формулярных списков заключается в том, что для ее решения исследователями пока не предложено достаточных данных. Как отмечал в 1994 г. В. А. Иванов, вопрос об изучении формулярных списков XIX в. «в историографии лишь поставлен, но не решен» [Иванов, 1994, с. 11]. Б. Б. Дубенцов и С. В. Куликов в 1999 г. констатировали, что существующие работы «построены на априорном доверии к формулярам... Остается до сих пор неясным, насколько недостатки этого источника существенны» [Дубенцов, Куликов, с. 72].

Несмотря на неоднократные призывы к источниковедческой критике формулярных списков, целенаправленно этой проблемой занимался только В. А. Иванов. Им предложен ряд методических приемов для определения достоверности формуляров – сравнение между собой сведений «повторных» списков («которые составлялись на одного и того же человека в разные годы»), анализ формулировок послужных списков, указывающих на способы их заполнения [Иванов, 2012, с. 34–37].

Однако такие критические приемы могут дать лишь условные результаты. Так, Иванов отмечает: «Анализ данных графы формуляра о социальном происхождении показывает, что она заполнялась согласно введенным правилам документирования. Об этом убедительно свидетельствуют формы записей» [Там же, с. 34]. Но приведенный выше указ 1828 г., казалось бы, говорит о противоположном. Попытки пресечь злоупотребления – неоспоримое доказательство их наличия. Что касается методики верификации возраста, то приведу пример ее апробации на семи формулярных списках К. П. Победоносцева, родившегося 18 ноября 1827 г. [подробнее см.: Шилов, 2014]. В формуляре на 17 июня 1863 г. указан возраст 35 лет (что верно), на 3 марта 1870 г. – 40 лет (ошибка, верно было бы 42 года), на 1880 г. – 52 года (верно, могло быть 52 или 53 года), на 1887 г. – 58 лет (ошибка, верно было бы 59 или 60 лет), на 1892 г. – 64 года (верно, могло быть 64 года или 65 лет), на 1894 г. – 65 лет (ошибка, верно было бы 66 или 67 лет), на 1905 г. – 78 лет (верно, могло быть 77 или 78 лет). То есть явно ошибочны данные второго, четвертого и шестого списков, но по методике Иванова недостоверными были бы признаны только сведения второго (отклонение от предыдущего и последующего более чем на год).

Из сказанного следуют два вывода. Один заключается в том, что строгость критики формулярных списков в просопографическом (историко-социологическом и т. п.) и в биографическом исследованиях будет различной – небольшое отклонение от истины рассматривается в первом как допустимая погрешность, а во втором – как ложное утверждение. Этим различием отчасти объясняется упомянутое выше расхождение в мнениях авторитетных исследователей о досто-

верности формуляров – П. А. Зайончковский оценивал их как массовый источник, А. В. Елпатьевский – как индивидуальный.

Второй очевидный вывод – полноценная критика формулярных списков возможна только при сопоставлении их с другими источниками биографической информации. Конечно, по тысячам или десяткам тысяч персон подобное исследование провести физически невозможно. Однако без такого сравнения выводы по указанной проблеме будут оставаться во многом гипотетическими, уязвимыми для столь же гипотетических возражений. Кроме того, сопоставление данных разных источников важно было бы дополнить свидетельствами о существовавшей практике заполнения формуляров.

Подобное сравнительное исследование проведено мною на материале примерно 600 биографий членов Государственного совета и руководителей ведомств (министров). Прделанная работа позволяет высказать несколько утверждений, в полной мере относящихся к формулярам указанных групп высшей бюрократии, и с оговорками – к чиновничеству в целом.

Во-первых, представляется, что полнота и достоверность формулярных списков неодинаковы в разные периоды их бытования. Набор содержащихся в них сведений определялся и изменялся рядом законодательных актов, в основном сложившись к середине XIX в. Достоверность зависела от способа заполнения документов: во времена, когда чиновники могли самостоятельно составлять и заверять свои формуляры, она была меньшей и увеличивалась по мере устрожения правительственного контроля за соответствием содержания послужных списков подлинным документам. Во-вторых, полнота и достоверность формулярных списков зависели от особенностей их ведения у разных групп бюрократии. Это положение актуально для членов Государственного совета, поскольку высочайшим повелением, объявленным 26 января 1842 г., ответственность за полноту и достоверность сведений в их формулярах была возложена на них самих [РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1841 г. Д. 6. Л. 15]. Эта привилегия сохранялась до 1917 г. и строго соблюдалась.

Наконец, достоверность и полноту сведений из разных разделов формулярных списков следует признать неодинаковой.

Ненадежность данных формуляров о времени рождения служащих уже была показана выше. В документах первой половины XIX в. обычно указывалось лишь количество полных лет. При этом, как продемонстрировано на примере формуляров К. П. Победоносцева, и эта информация впоследствии ненамеренно искажалась. У Победоносцева, например, это привело к неточным данным в каждом втором формуляре. Не распространяя эту пропорцию на все чиновничество, решусь, однако, утверждать, что доля документов с неверно указанным возрастом в первой половине XIX в. была велика.

Это признавало и правительство. 31 января 1831 г. Сенатом был издан указ, который предписывал требовать у каждого поступаю-

щего на службу выписку о времени рождения из метрической книги, «чтобы на основании такового свидетельства показываемы были в самом формуляре число, месяц и год его рождения» [ПСЗ-2, т. 6, отд. 1, № 4313]. Однако и после этого далеко не сразу и не во всех списках появились точные даты. Характерно указание В. А. Иванова, что на местном уровне в середине XIX в. данное постановление «на практике не выполнялось. Во всяком случае, на нашем материале такие списки не выявлены» [Иванов, 2012, с. 36]. Это неудивительно. Всего четыре года спустя, в 1835 г. было утверждено мнение Государственного совета «О замене метрических свидетельств при вступлении на службу таковыми же из книг исповедных». «Нельзя не принять в уважение, – говорилось в новом законе, – что метрические книги до издания упомянутого указа могли быть ведены не везде с исправностию и могли быть утрачены разными случаями» [ПСЗ-2, т. 10, отд. 2, № 8448]. Если указ 1831 г. разрешал не требовать выписки из метрических книг у тех чиновников, которые поступили на службу до его издания, то постановление 1835 г. распространило это разрешение на всех, кто родился до января 1831 г. Исповедные же книги содержали сведения только о возрасте (количестве полных лет).

Невнимание правительства к невыполнению указа 1831 г. следует объяснять малозначительностью даты рождения для персонального делопроизводства, а также нежеланием чиновничества (объяснить которое я удовлетворительно не могу) указывать ее в формулярах. Тот же Победоносцев при поступлении на службу в 1846 г. имел возможность предъявить метрическое свидетельство о рождении, поскольку в 1841 г. уже представлял его при поступлении в Училище правоведения, по окончании которого оно было ему возвращено [ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411]. Однако он этого не сделал, и первый его послужной список был составлен по старой форме [РГИА. Ф. 1405. Оп. 44. Д. 1477. Л. 2 об.]. Другой пример показывает, что и государственные органы не стеснялись отступать от положений указа 1831 г. В 1841 г. член Государственного совета С. А. Замойский прислал в Герольдию послужной список, в котором указал точную дату своего рождения. Однако чиновник Государственной канцелярии при редактировании в 1842 г. формуляра Замойского этой информацией пренебрег и выставил в графе о возрасте количество лет [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 198. Л. 10 об.]. Только к началу XX в. число, месяц и год рождения стали, как правило, указываться в большинстве формулярных списков гражданских чиновников. Таким образом, в биографическом исследовании данные этого раздела формуляров часто нуждаются в дополнении и уточнении. Более достоверны сведения метрических книг, надгробий, синхронных источников личного происхождения.

Информация о происхождении присутствует во всех формулярных списках. Она указывает на сословную принадлежность человека («из дворян», «из духовного звания») либо на чин или род занятий его отца («сын коллежского секретаря», «сын полковника»). Иногда упоми-

нается губерния, в родословную книгу которой был внесен чиновник-дворянин («из потомственных дворян такой-то губернии»). Данные этого раздела формуляра достовернее, чем сведения о времени рождения. Однако и здесь, как уже было сказано выше, правительство долгое время боролось с недобросовестностью чиновников (указ 1828 г.). Закон определял ситуацию предельно ясно: «В графе о происхождении чиновника звание отца его должно быть означено со всею точностью, хотя бы сам он находился уже в чинах, присвояющих дворянское достоинство» [ПСЗ-2, т. 3, № 1904]. Надо полагать, что и контроль властей за этим пунктом в формулярах был самый внимательный – от происхождения зависели права чиновника на государственной службе. Тем не менее, нарушения закона в этом отношении случались, в том числе и среди членов Государственного совета.

Так, например, Ф. И. Энгель, сын врача, выслужившего чин коллежского асессора уже после рождения сына, на протяжении почти всей своей карьеры вносил в графу формуляра о происхождении запись «из штаб-офицерских детей» [см., например: Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 320. № 3081]. После назначения в Государственный совет формулировка изменилась: «Из дворян, о чем ожидается доказательство» [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1835 г. Д. 165. Ч. 1. Л. 43–46] (список за 1835 г.). А. В. Кривошеин уже в начале XX в. писался в формуляре сначала «из дворян», а потом «сын полковника, из потомственных дворян Симбирской губернии» [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 263. Л. 10–22, 79–108], что соответствовало его социальному статусу, но противоречило упомянутому выше положению закона, по которому он должен был именовать себя «из обер-офицерских детей», поскольку полковником (чин, с 1856 г. дававший его обладателю потомственное дворянство) отец его не был вообще, подполковником стал при отставке, а на момент рождения сына состоял в невысоком обер-офицерском чине.

Но в подавляющем большинстве случаев члены Государственного совета указывали свое происхождение в полном соответствии с законом. В то же время корректные в юридическом отношении сведения послужного списка часто недостаточны для характеристики сословного статуса. Десятки высших сановников при ближайшем рассмотрении оказываются внуками солдат, мещан, мелких чиновников. Тем не менее, списки безоговорочно причисляют многих из них к потомственному дворянству, что верно лишь юридически [см.: Шилов, 1998, с. 123–125; Дубенцов, Куликов, с. 73]. Так, например, внук священника и сын чиновника И. Я. Голубев происходил по формуляру из потомственных дворян Тверской губернии [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 134. Л. 214].

Раздел об имущественном положении существовал в формулярах гражданских чиновников с 1764 г.: в приложенной к указу форме требовались сведения, сколько каждый из них «имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах». В указе 1798 г. было прибавлено в конце: «и как имена селений». В 1827 г. двумя указами,

именным 11 января и сенатским 13 июля, повелено было эту графу послужного списка военных и гражданских чиновников разделить на четыре

...с показанием в оных родового и благоприобретенного недвижимого имения, состоящего как за тем лицом, чей формуляр, так и за родителями его и за женою, буде женат; во все же сии графы вносить не только недвижимое имение с крестьянами, но фабрики, заводы, ненаселенные земли, объясняя количество десятин, и дома с показанием, каменные или деревянные и в каком именно городе находятся [ПСЗ-2, т. 2, № 815, 1240].

В имущественном разделе формулярных списков членов Государственного совета в первой половине XIX в. встречаются также сведения о наличии земельных аренд – например, у И. И. Дибича, Д. И. Шульгина [РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1183. Л. 8 об.; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 628. Л. 8 об.]. В таком виде данный раздел просуществовал до 1917 г.

Вопрос о достоверности сведений этого раздела формуляров был поднят еще П. А. Зайончковским, который полагал, что они «правильно отражают наличие недвижимой собственности, но не всегда дают точное представление об имущественном положении данного чиновника». При этом он отмечал, что некоторые понятия формуляров слишком абстрактны: например, дома, стоимость которых различалась во много раз, в тексте списков называются одинаково. Зайончковский также указывал, что в послужной список почти никогда не вносились данные о владении акциями, участии в правлениях частных обществ, банков и т. п. [Зайончковский, с. 10, 11, 13]. О необходимости сопоставления сведений формуляров о владении собственностью с данными других источников писали Б. Б. Дубенцов и С. В. Куликов [Дубенцов, Куликов, с. 72–73].

Анализ послужных списков и личных дел членов Государственного совета позволяет утверждать, что не все сановники были аккуратны в сообщении информации о своем имуществе. В формулярах не всегда показаны точные размеры земельной собственности. Иногда графа об имении пуста или с записью: «Сведений нет». Занесенные в нее данные могли отставать от действительности. Так, у Е. Е. Стаалы в формуляре за 1902 г. показан дом у отца, умершего 40 лет назад [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 507. Л. 45 об.]. В послужном списке Л. П. Софиано за 1896 г. в графе об имуществе жены даны сведения о ревизских душах [Там же. Д. 505. Л. 10 об.]. Другие члены Государственного совета внимательнее относились к информации об имуществе и своевременно извещали Государственную канцелярию о необходимости внести в их документы актуальные изменения. Но, как правило, все эти сообщения касались выбытия недвижимости. «В III-й графе выскоблить дом (коего уже не имею – продал для уплаты долга, сделанного для пользы службы)», – писал П. А. Муханов [Там же. Д. 347. Л. 72]. «Оба эти имения уже более девяти лет как проданы, а капитал разделен между деть-

ми нашими», – сообщала государственному секретарю Ю. А. Иксулю фон Гильденбандту жена С. В. Маркова З. Е. Маркова, прося от имени мужа внести коррективы [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 316. Л. 66–67]. Подобные же ходатайства содержат дела о службе Н. М. Аничкова, Н. П. Мансурова, Г. П. Небольсина и др. [Там же. Д. 14. Л. 65 об.; Д. 313. Л. 150; Д. 354. Л. 115]. Удалось обнаружить лишь один противоположный пример: в 1847 г. А. В. Кочубей просил государственного секретаря Н. И. Бахтина дополнить его формулярный список сведениями о земельном приобретении в Черниговской губернии [Там же. Д. 255. Л. 33].

Информация об имуществе, которую удается найти в других источниках, показывает, что некоторые члены Государственного совета занижали размер своей собственности. Так, в формуляре А. С. Меншикова за 1842 г. в графе о приобретенной им самим недвижимости значатся лишь имение в Московской губернии и дом в Москве, тогда как из находящейся в деле о службе справки можно узнать, что к этому времени им были куплены еще четыре имения и три дома в разных губерниях [Там же. Д. 331. Л. 33 об., 58]. Составленный в том же году послужной список Н. С. Мордвинова вообще не содержит сведений о его владениях [Там же. Д. 337. Л. 74–78], хотя известно, что их было немало. Д. Ливен, специально изучавший персональный состав Государственного совета в царствование Николая II, выявил в формулярах его членов более десятка случаев значительного занижения размеров собственности или ложного отрицания ее наличия [Ливен, с. 508–509].

Сказанное выявляет тенденцию к намеренному утаиванию сведений об имуществе у некоторой части членов Государственного совета. Причина, скорее всего, в том, что данные о наличии собственности влияли на размеры денежного обеспечения, назначавшегося членам совета в виде жалования, пенсий, пособий на лечение, воспитание детей и т. д. Кроме того, сведения об имуществе регулярно запрашивались Министерством государственных имуществ при подготовке всеподданнейших докладов о назначении и продлении ежегодных денежных выплат (так называемых аренд). Поэтому, как представляется, необходим критический подход к данным формуляров членов Государственного совета о земельных и других владениях. Вопрос об экстраполяции сделанных выводов на формулярные списки чиновничества в целом остается открытым до проведения сравнительных исследований по другим группам бюрократии. Отмечу также, что формуляры содержат сведения лишь о наличии недвижимого имущества, но никогда – о его доходности (наличии задолженности, обременений и т. п.), то есть не отвечают прямо на вопрос о состоятельности владельца.

Сведения изученных послужных списков о вероисповедании и полученном образовании сомнений не вызывают. В более ранних не всегда указывалось название учебного заведения, которое окончил служащий. Кроме того, формуляры обычно умалчивают о пребывании в гражданских средних учебных заведениях, если после этого будущий чиновник обучался в высшем.

Сведения основной части формулярного списка (буду условно именовать так графы, содержащие данные о прохождении службы, чинопроизводстве, наградах, военных и морских походах, особых поручениях), как правило, точны, но различаются по полноте. Основная масса неполных формуляров приходится на первую половину XIX в., во вторую половину столетия их информация становится более подробной и разносторонней. Пробелы касаются в основном наград, почетных званий, участия в комитетах и комиссиях, службы по выборам.

Полнота основной части формулярных списков членов Государственного совета зависела и от их личной активности в этом вопросе. Многие из них относились к своим формулярам довольно трепетно. Например, дело о службе С. Д. Шереметева содержит многочисленные отношения из канцелярии Странноприимного дома в Москве (которым на протяжении десятилетий заведовал граф) в Государственную канцелярию с просьбами внести в формулярный список «его сиятельства» очередное почетное звание или награду (те и другие приобретались Шереметевым десятками). Сверх того, сам сановник регулярно извещал Государственную канцелярию, что желал бы получить на просмотр свой формулярный список, который ему и посылался [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 611. Л. 61, 95, 131 и др.]. Внеся необходимые дополнения и поправки, Шереметев возвращал документ обратно. Требования о ревизии собственного формуляра сохранились в делах о службе и других членов совета (например, Х. Х. Роопа, М. А. Таубе) [Там же. Д. 477. Л. 192–193; Д. 533. Л. 50]. Более дотошные (например, П. Ф. Рерберг) иногда прилагали к исправлениям подлинные документы, на основании которых они были сделаны [Там же. Д. 452. Л. 99–99 об.].

Столь же чувствительны к приобретению почетных званий и отличий были С. Ю. Витте и А. С. Ермолов. Как следствие, формулярные списки в делах об их службе в Государственном совете содержат многие десятки подобных фактов [Там же. Д. 86, 194]. Наоборот, отсутствие сведений такого рода могло быть следствием невнимания к ним того или иного сановника. Так, например, министр народного просвещения Д. А. Толстой в 1870-х гг. был избран почетным гражданином как минимум десяти городов, однако не позаботился сообщить об этом чиновникам, отвечавшим за ведение его формуляра. В результате в последний данная информация не попала, но выявляется по другим документам в личном деле о службе [Там же. Д. 543; Ф. 733. Оп. 120. Д. 332].

В соответствии с высочайшим повелением 1842 г. чиновники Государственной канцелярии, отвечавшие за ведение личных дел членов Государственного совета, не имели права наблюдать за достоверностью данных в их формулярных списках. Но они должны были заботиться о точности и правильности их заполнения. Подавляющее большинство членов совета до назначения в последний служили в других ведомствах и потому приносили с собой по-разному редактированные послужные списки.

К их стилю и содержанию Государственная канцелярия относилась строго. Например, формуляр П. Н. Клушина, до назначения в совет служившего начальником Главного управления наместника кавказского, подвергся полной переработке с точки зрения стандартизации пространных и нечетких выражений, допущенных предыдущим составителем [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 1162. Оп. 6. Д. 233. Л. 59–86 (старый формуляр), 89–107 (новый формуляр)]. Иногда вмешательство чиновников Государственной канцелярии касалось и содержания послужных списков – не подлежащие занесению в них сведения вымарывались. Так, в деле о службе А. И. Пантелеева сохранилась собственноручно им составленная справка о совершенных командировках. Чиновник канцелярии отредактировал ее, отсекая на свое усмотрение излишние подробности. В результате большинство представленных Пантелеевым данных не попало в его формуляр [Там же. Д. 400. Л. 108–109 об., 144–167]. В другом случае исключению подверглась информация из послужного списка И. О. Велио, выданного из Министерства юстиции. В нем была указана серебряная медаль «за спасение погибавших», полученная Иваном Осиповичем «за оказанный подвиг самоотвержения при спасении утопавшего в реке Большой Неве члена Государственного совета тайного советника Клушина». Редактор канцелярии процитированный текст зачеркнул [Там же. Д. 77. Л. 74 об.].

Графа о взысканиях пустует во всех известных нам формулярных списках деятелей высшей бюрократии. Документ о службе являлся как бы «лицом» чиновника, которое важно было сохранить во что бы то ни стало. С другой стороны, и правительство в этом отношении не стремилось выносить сор из избы. Многие проступки в списки не вносились [см., например: Кунавин, с. 102], а законодательно установленные формы штрафных записей были таковы, что характер нарушения оставался непонятен. Если судебное дело против чиновника все же возбуждалось, то, как правило, этому предшествовало его увольнение со службы, и данные о провинности в формуляр опять-таки не попадали.

В разделе о семейном положении обычно указывались фамилия, имя и отчество жены, чин или служебное положение ее отца, а с 1905 г. (хотя и не всегда) – даты ее рождения и вступления в брак с владельцем документа. У детей отмечались даты рождения (реже – возраст), учебные заведения, в которых они находятся, у сыновей – служебное положение и чин, у дочерей – замужество и принадлежность ко двору. С 1905 г. в формулярных списках стали указывать вероисповедание детей. Сопоставление с другими источниками приводит к выводу, что информация формуляров о семейном положении обычно верна, за исключением дат рождения детей – здесь встречаются неточности и ошибки, особенно в документах первой половины XIX в., когда эти данные нередко вносились по памяти. Член Государственного совета А. М. Урусов писал в 1849 г. государственному секретарю Н. И. Бахтину:

Из сего списка Вы... усмотреть изволите, что в оном... о времени рождения детей моих не выставлены год, месяц и число, а показано по прежней форме, потому что я сих сведений отыскать у себя еще не мог [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 861. Л. 20–20 об.].

Можно заключить, что послужные списки являются основным и в значительной мере незаменимым источником биографических сведений как о представителях высшей бюрократии, так и о российском чиновничестве в целом. В то же время информация некоторых разделов формуляров (о рождении, владении собственностью, взысканиях по службе) не всегда надежна. Данные из других граф более достоверны, но нуждаются в дополнении и сопоставлении со сведениями из других источников. Среди последних – личные дела служащих, книги именных указов и высочайших повелений по гражданскому ведомству, печатные списки чиновников и кавалеров орденов, метрические книги и др.

Список литературы

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1907–1909. Т. 3. 1782 стб. Т. 4. 1621 стб.

Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. : Итоги и перспективы изучения // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков : сб. ст. / отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб. : Алетей, 1999. С. 63–86.

Елпатьевский А. В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – начала XX в. // Труды ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5, ч. 1. С. 146–206.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.

Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний) : ист.-источниковед. очерки. Калуга : Калуж. гос. пед. ин-т, 1994. 231 с.

Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 30–39.

Кандаурова Т. Н. Документы департаментского делопроизводства как информационный ресурс формирования коллективной биографии и социокультурного портрета военной бюрократии XIX в.: послужные списки и наградные материалы // *Wschodni rocznik humanistyczny*. 2020. № 1. S. 93–111. DOI 10.36121/tkandaurowa.17.2020.1.093.

Кунавин К. С. Формулярный список как источник о службе чиновника XIX века: эпизод из биографии Б. П. Мансурова // Румянцевские чтения – 2019 : материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апреля 2019) : в 3 ч. М. : Пашков дом, 2019. Ч. 2. С. 99–103.

Ливен Д. Российская гражданская служба при Николае II: вариации на бюрократическую тему // Русский сборник. М. : Модест Колеров, 2018. Т. 26. С. 503–560.

Малкова З. И., Плюхина М. А. Документы высших и центральных учреждений XIX – начала XX в. как источник биографических сведений // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. : сб. ст. / отв. ред. И. Н. Фирсов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 204–228.

ПСЗ-1. Собр. 1. Т. 16, 25, 26.

ПСЗ-2. Собр. 2. Т. 2, 3, 6 (отд-ние 1), 10 (отд-ние 1).

РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062.

РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 332; Ф. 1162. Оп. 1 (Отделение дел государственного секретаря). 1841 г. Д. 6; Оп. 6. Д. 14, 77, 86, 134, 194, 198, 233, 255, 263, 294, 313, 316, 331, 336, 337, 343, 347, 354, 400, 452, 454, 477, 505, 507, 519, 533, 543, 611, 628, 859, 861; Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1183; Ф. 1349. Оп. 4. 1835 г. Д. 165. Ч. 1; Ф. 1405. Оп. 44. Д. 1477.

Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 320. № 3081.

Савицкий И. В. Генеалогические источники о дворянстве и чиновничестве Европейского Севера России XIX века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. 46 с.

Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения : ист.-социол. исслед. М. : Калита, 2002. 367 с.

ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411.

Шилов Д. Н. Министры дореволюционной России: историко-социологическое исследование // Клио. 1998. № 3. С. 123–136.

Шилов Д. Н. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX вв.) : краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 90–95.

Шилов Д. Н. Когда родился Константин Петрович Победоносцев? (Заметки о методике биографического исследования) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 53–63.

References

Dahl, V. I. (1907–1909). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. 3rd Ed. St Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Wolff. Vol. 3. 1782 columns. Vol. 4. 1621 columns.

Dubentsov, B. B., Kulikov, S. V. (1999). *Sotsial'naya evolyutsiya vysshei tsarskoi byurokratii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (Itogi i perspektivy izucheniya)* [Social Evolution of the Highest Tsarist Bureaucracy in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Results and Prospects of Study)]. In Tsamutali, A. N. (Ed.). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov. Sbornik statei.* St Petersburg, Aleteiya, pp. 63–86.

Elpat'evskii, A. V. (1974). *Dokumentirovanie prokhozheniya gosudarstvennoi sluzhby v Rossii XVIII – nachala XX v.* [Documenting Public Service in Russia of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Trudy Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta dokumentovedeniya i arkhivnogo dela.* Vol. 5. Part 1, pp. 146–206.

Ivanov, V. A. (1994). *Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-kh gg. XIX v. v Rossii (po materialam Moskovskoi i Kaluzhskoi gubernii): istoriko-istochnikovedcheskie ocherki* [Provincial Officialdom of the 1850s–1860s in Russia (Based on the Materials of Moscow and Kaluga Provinces): Essays on Historical and Source Studies]. Kaluga, Kaluzhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 231 p.

Ivanov, V. A. (2012). *O dostovernosti svedenii formuljarnykh spiskov sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.* [On the Reliability of the Information in the Form Lists of Employees of Local State Institutions of the Russian Empire. The Second Half of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik arkhivista.* No. 4, pp. 30–39.

Kandaurova, T. N. (2020). *Dokumenty departamentskogo deloproizvodstva kak informatsionnyi resurs formirovaniya kollektivnoi biografii i sotsiokul'turnogo portreta voennoi byurokratii XIX v.: posluzhnye spiski i nagradnye materialy* [Documents of Departmental Office Work as an Information Resource for the Formation of a Collective Biography and a Socio-Cultural Portrait of the Military Bureaucracy of the 19th Century: Service Records and Award Materials]. In *Wschodni rocznik humanistyczny.* No. 1, pp. 93–111. DOI 10.36121/tkandaurova.17.2020.1.093.

Kunavin, K. S. (2019). *Formuljarnyi spisok kak istochnik o sluzhbe chinovnika XIX veka: epizod iz biografii B. P. Mansurova* [The Form List as a Source about the Service of an Official of the 19th Century: An Episode from the Biography of B. P. Mansurov].

In *Rumyantsevskie chteniya – 2019. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23–24 aprelya 2019) v 3 ch.* Moscow, Pashkov dom. Part 2, pp. 99–103.

Liven, D. (2018). Rossiiskaya grazhdanskaya sluzhba pri Nikolae II: variatsii na byurokraticheskuyu temu [The Russian Civil Service under Nicholas II: Variations on the Bureaucratic Theme]. In *Russkii sbornik*. Moscow, Modest Kolerov. Vol. 26, pp. 503–560.

Malkova, Z. I., Plyukhina, M. A. (1967). Dokumenty vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii XIX – nachala XX v. kak istochnik biograficheskikh svedenii [Documents of Higher and Central Institutions of the 19th – Early 20th Centuries as a Source of Biographical Information]. In Firsov, I. N. (Ed.). *Nekotorye voprosy izucheniya istoricheskikh dokumentov XIX – nachala XX v. Sbornik statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 204–228.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection 1. Vol. 16, 25, 26.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection 2. Vol. 2, 3, 6 (Part 1), 10 (Part 1).

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 733. List 120. Dos. 332; Stock 1162. List 1 (Otdelenie del gosudarstvennogo sekretarya). 1841. Dos. 6; List 6. Dos. 14, 77, 86, 134, 194, 198, 233, 255, 263, 294, 313, 316, 331, 336, 337, 343, 347, 354, 400, 452, 454, 477, 505, 507, 519, 533, 543, 611, 628, 859, 861; Stock 1343. List 46. Dos. 1183; Stock 1349. List 4. 1835. Dos. 165. Part 1; Stock 1405. List 44. Dos. 1477.

RGVIA [Russian State Military-Historical Archive]. Stock 489. List 1. Dos. 7062.

Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma [Manuscript Department of the Pushkin House]. Stock 320. No. 3081.

Savitskii, I. V. (2018). *Genealogicheskie istochniki o dvoryanstve i chinovnichestve Evropeiskogo Severa Rossii XIX veka* [Genealogical Sources about the Nobility and Bureaucracy of the European North of Russia of the 19th Century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 46 p.

Shilov, D. N. (1998). Ministry dorevolutsionnoi Rossii: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie [Ministers of Pre-Revolutionary Russia: A Historical and Sociological Study]. In *Klio*. No. 3, pp. 123–136.

Shilov, D. N. (2011). Osnovnye dokumenty i spravochniki o grazhdanskikh chinovnikakh v Rossii (konets XVIII – nachalo XX vv.): kratkii obzor [Basic Documents and Reference Books about Civil Officials in Russia (Late 18th – Early 20th Centuries): A Brief Overview]. In *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. No. 1, pp. 90–95.

Shilov, D. N. (2014). *Kogda rodilsya Konstantin Petrovich Pobedonostsev? (Zametki o metodike biograficheskogo issledovaniya)* [When Was Konstantin Petrovich Pobedonostsev Born? (Notes on the Methodology of Biographical Research)]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 53–63.

Tselorungo, D. G. (2002). *Ofitser y russkoi armii – uchastniki Borodinskogo srazheniya: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Officers of the Russian Army, Participants of the Battle of Borodino: A Historical and Sociological Study]. Moscow, Kalita. 367 p.

TsGIA [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 355. List 1. Dos. 2411.

Zaionchkovskii, P. A. (1978). *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl'. 288 p.

The article was submitted on 29.09.2021